

БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

УДК 02(470+571)

DOI: 10.33186/1027-3689-2020-5-15-32

А. В. Соколов

Санкт-Петербург, Россия

Российские библиотеки на пороге постсовременности

Аннотация: Общеизвестно, что XXI в. – время перехода от современной цивилизации к постсовременной, охватывающей все отрасли общественного производства и социальной коммуникации. Бытует нигилистическое мнение, что постсовременность, воплощенная в цифровой экономике и искусственном интеллекте, не будет нуждаться в классической книжной культуре и традиционном библиотечном деле. Библионигилизм является технократическим заблуждением. Социально-культурная эволюция человечества от дописьменного палеолитического искусства до глобальной цифровой коммуникации нашего времени, кратко охарактеризованная в статье, свидетельствует о том, что книжная культура – необходимый ресурс антропогенеза, обладающий глубокими генетическими и социально-историческими предпосылками. Каждый тип библиотек не в меньшей степени, чем искусственный интеллект, способен обеспечить формирование нравственного, ответственного, самостоятельно мыслящего, творческого поколения российских граждан, а библиотечная профессия – профессия будущего даже в большей степени, чем профессия настоящего.

Сделан вывод: пересечение книжной и цифровой культур приведет российские библиотеки в постсовременность. Библиотечная интеллигенция ответственна перед современниками и потомками за сохранение книжной культуры. Цифровая культура – средство проложить виртуальную дорогу в постсовременность.

Ключевые слова: библиотечная профессия, будущее, искусственный интеллект, книжная культура, постсовременность, цифровая культура.

LIBRARY AND INFORMATION ACTIVITIES: THEORY AND PRACTICE

UDC 02(470+571)

DOI: 10.33186/1027-3689-2020-5-15-32

Arkady V. Sokolov
St. Petersburg, Russia

Russian libraries on the threshold of postcontemporaneity

Abstract: It is generally recognized that in the 21st century, transfer to the postcontemporary civilization embraces every industry of public production and social communication. The nihilistic concept of postcontemporaneity embodied in digital economy and artificial intellect that does not need classical book culture and traditional library practice (biblionihilis) presents a technocratic delusion. The author characterizes in brief the human socio-cultural evolution from the pre-literate Paleolithic arts to global digital communication of today. This evolution evidences that the book culture is an essential anthropogenic resource of the deepest genetic and sociocultural origins. Every type of library, no less than the artificial intellect, supports education of moral, responsible, independently thinking, creative generation of Russian citizens. The library profession is the profession of the future even to a greater extent than of the present. The author concludes that integration of book and digital cultures will take the Russians to postcontemporaneity. The library intellectuals are responsible for preserving the book culture. The digital culture is an instrument of laying the way to postcontemporaneity.

Keywords: library profession, the future, artificial intellect, book culture, postcontemporaneity, digital culture.

Современные обществоведы иногда для обозначения туманного будущего обращаются к понятию *постсовременность*. В наши дни о постсовременности приходится призадуматься, потому что российские библиотеки находятся в состоянии неопределенности, которое выражается дилеммой «Быть или не быть?».

Интеллигенты-книжники убеждены – в России будут востребованы книжная коммуникация и библиотечный социальный институт. А библионигилисты пророчат: «Библиотеки дряхлеют, превращаются

в оплоты крайнего консерватизма и откровенной казенщины, обслуживая интересы самих библиотекарей, а не граждан, которые давно и совершенно справедливо избегают посещения подобных учреждений... Никакие финансовые вливания в устаревшую инфраструктуру не спасут ее от окончательного разрушения, как никакая реновация не могла спасти сеть ямщицких почтовых станций после прокладки железной дороги» [1]. Всероссийские опросы показали – треть провинциальных респондентов и 40% жителей Москвы и Санкт-Петербурга считают, что через 10–15 лет традиционные библиотеки исчезнут [2].

Что же делать профессиональным библиотекарям? Выход в том, чтобы, не поддаваясь эмоциям и соблюдая собственное достоинство, настойчиво прокладывать дорогу из безрадостной современности в манящую постсовременность. Для этого потребуется: осмыслить природные антропологические предпосылки книжной культуры; представить динамику социально-культурной эволюции человечества; проследить колею книжной и колею цифровой культуры, с пересечения которых начинается дорога российских библиотек в постсовременность. Перечисленным проблемам посвящена настоящая статья.

Человек – существо символическое. С античных времен ведутся споры о природе Homo sapiens и его сущностных отличительных особенностях. Вариантов много: «образ и подобие Божие»; «двуногое без перьев»; существо, обладающее разумом, волей, способностью к труду и коммуникации; «политическое животное»; субъект социально-культурной деятельности, демонстрирующий единство биологического и социального начал и т.д. Нам нужна трактовка природы и сущности человека, учитывающая культурно-историческое единство «человек–книга». В современной философии это *символическая концепция культуры*, разработанная Эрнстом Кассирером (1874–1945) – мыслителем, определившим облик философии XX в.

В трехтомном труде «Философия символических форм» (1923–1929) отличительной способностью человека Э. Кассирер называл не чистый разум или целесообразный труд, а способность трансформировать «сырые восприятия» в «артикулированные и организованные символы» – «грамматику культуры». Благодаря этой уникальной творческой способности люди смогли создать «символические

формы» – языки, мифы, религии, науку, искусство, совокупность которых образует «символьную среду» – культуру. Она не имеет аналога в чувственно воспринимаемой действительности, а культурный человек предстает «символическим существом».

Кассирер трактовал *символ* не как обозначение (значение) другого объекта (это присуще знаку), а как носитель мистического смысла, воздействующий на окружающую действительность. Получается, что книга как феномен культуры – это не просто стабильная совокупность знаков, а сложный символ, изменяющий мир [3]. Следовательно, согласно философии символических форм, мир книг – *библиосфера* – является для культурного человека столь же естественной и необходимой составляющей среды обитания, как пригодная для жизни экология. Разрушение библиотечного социального института, которое пророчат невежественные библионигилисты, – такая же губительная для человечества катастрофа, как загрязнение Мирового океана.

Дорога в Постсовременность

Если признать *Homo sapiens* «существом символическим», то дорога в постсовременность – это культурно-исторический процесс от палеолита до наших дней. Ему соответствуют следующие вехи книжности.

В верхнем палеолите 35–30 тыс. лет назад был совершен прорыв в изобразительном искусстве. В Испании, Франции, Италии найдено около 200 пещер с монументальными панно, включающими цветные росписи, графику, барельефы [4]. Исследователи пишут о «величавом слиянии искусства и природы», о «колдовском величии и покое», об «огромной жизненной достоверности», выраженной «удивительно сложной мифологической символикой» [5]. В нашей стране первобытное искусство представлено на скалистых берегах реки Лены (изображения лошадей и быков) и целой экспозицией палеолитического творчества в Каповой пещере заповедника на реке Белой. По сути, палеолитическое искусство – это *эмпирическая дописьменная книжность*, достоверное повествование без слов о думах, мечтах и заботах трудолюбивых и мужественных охотников на зубров, бизонов и мамонтов.

Неолитическая графика (VIII–III тыс. до н. э.), в которой преобладают круги, спирали, кресты, полумесяцы и прочие мистические символы, предшествует «рисуночному письму» (пиктографии). Со временем пиктограммы утрачивали изобразительный аспект и превращались в умопостигаемые символы (логограммы). Древнейшими символическими формами считаются изобретенные в III тыс. до н. э. древнеегипетское иероглифическое письмо, шумерская клинопись, протоиндийская и крито-минойская письменность. Позже появилась китайская иероглифика, сохранившаяся до наших дней. В конце II тыс. до н. э. было изобретено буквенное (алфавитное) письмо. Изобретение письменности и формирование на ее основе рукописной книжности – переломная веха всемирной истории, не менее важная, чем развитие металлургии [6].

Эту веху вдумчивый философ-экзистенциалист Карл Ясперс (1883–1969) назвал «осевым временем человечества»: «Из темных глубин доистории, длящейся сотни тысячелетий, в тысячелетия, предшествующие нашей эре, в Месопотамии, Египте, в долине Инда и Хуанхэ возникают великие культуры древности. В масштабе всей земной поверхности это – островки света, разбросанные во всеобъемлющем мире первобытных народов. В великих культурах древности в осевое время, с 800 до 200 г. до н. э., формируется духовная основа человечества в трех различных местах – в Европе, в Индии и в Китае» [7].

С осевого времени начинаются воплощенные в письменной форме *цивилизационные символы*: мировые религии, оперирующие каноническими священными писаниями и писаниями отцов церкви; авторская литература, вытесняющая анонимный фольклор; философские учения и научные знания, записанные усердными учениками. Особенно знаменательно, что «возникла новая профессия открывателей, накопителей и хранителей знания, как бы они ни назывались в том или ином обществе» [8]. Поскольку библиотекари, библиографы, книгоиздатели, музейные и архивные работники относятся именно к этой когорте, правомерно считать, что эти профессии зародились в осевое время.

Последующие вехи на пути к постсовременности – античность, средневековье, эпоха Возрождения и Просвещения, Новая история и Новейшая история. С нашей точки зрения, Новая история (модерн) –

это первая фаза современности, начало которой положили распространение книгопечатания и формирование книжного рынка в эпоху Возрождения. Для эпохи модерна характерны индустриальная экономика, стремление к рациональному познанию и преобразованию мира, оптимистическая вера в прогресс и величие человека (антропоцентризм). Культурное наследие европейского модернизма – классическая литература и искусство, опытная наука, машинная техника, демократия и либеральные идеалы.

Вторая фаза современности – постмодерн – постиндустриальное явление второй половины XX в. Будучи поначалу литературоведческим понятием, постмодерн быстро вышел за рамки искусства и стал пониматься в экономике, социологии, политологии и философии как общество потребления, отличающееся информатизацией и цифровизацией.

Поскольку между модерном и постмодерном нет четкого разграничения, критически мыслящие культурологи считают, что постмодерн – не самостоятельная эпоха, а кризис [9] или конец [10] современности. Далее должна наступить гипотетическая постсовременность – новая эпоха всемирной истории, в которой существование библиотек находится под вопросом.

Путь российских библиотек в постсовременность можно представить как движение в историческом времени из современности, символизируемой книжной культурой модернизма, к постмодерну – переходному периоду, символизируемому цифровой культурой XXI в. Образно говоря, в библиотечной дороге из настоящего в будущее просматриваются две колеи: книжной культуры, воплотившей классическое культурное наследие нации, и цифровой культуры, проложенной информационными технологиями. Возможно ли органичное сочетание книжной и цифровой культур в постсовременной библиосфере? Эта проблема – главный вызов библиотечной теории и практике сегодня. Уточним постановку этой проблемы.

Колея книжной культуры

Как понимать колею книжной культуры? «Книжная культура» – один из неологизмов гуманитарных наук, которого нет в справочниках и учебниках XX в. Общенаучное признание эта проблематика

получила в начале XXI в., когда решением Президиума РАН был создан Научный центр исследований истории книжной культуры при Издательском центре «Наука». Опираясь на отечественную теорию культуры, Центр развернул активную научную работу в следующих направлениях: фундаментальные и прикладные исследования по истории и теории книжной культуры; исследования в области теории и методологии книговедения и актуализация научного наследия выдающихся отечественных и зарубежных ученых-книгovedов; подготовка обобщающих работ по истории книгоиздательской и книгораспространительской деятельности Академии наук.

В своей докторской диссертации руководитель Научного центра РАН Владимир Иванович Васильев трактует книжную культуру как комплекс из трех системообразующих составляющих: культуры книги (издательская культура, искусство книги, типографское искусство, искусство переплета); культуры распространения книги в обществе; культуры чтения [11]. Другие культурологи добавили к этому человеческий фактор (авторов, издателей, библиографов, библиотекарей, библиофилов, полиграфистов и др.) [12]. Следовательно, Научный центр РАН рассматривает российскую книжную культуру как *междисциплинарное научное направление* на стыке книговедения, культурологии, истории науки и техники, социологии и ряда других дисциплин. Однако рабочей дефиниции понятия *книжная культура* в трудах Центра обнаружить не удалось. Попробуем сформулировать ее, отталкиваясь от философии символических форм Эрнста Кассирера

Очевидно, что книжная культура – составляющая человеческой культуры, воплощенной в виде символов. Ей, подобно культуре в целом, присуща *творческая потенция*, свойственная людям как «символическим существам» с рождения. Это способность создавать новые духовные смыслы (ценности) в виде знаний, технологий, верований, эмоций, волевых мотиваций, фантазий. Но этого мало. В дефиниции книжной культуры должны присутствовать атрибуты, отличающие ее от других видов и составляющих культуры. Таким атрибутом (необходимым, существенным свойством) является функциональное назначение. Функциональное назначение книжной культуры заключается не только в творческой деятельности, но и в *смысловой социальной коммуникации* (движение духовных ценностей, включая осмысленные сообщения, во

времени и пространстве) [13]. Средствами практической реализации творческих и коммуникационных функций книжной культуры являются *символы в книжной форме*.

Таким образом, складывается следующая рабочая дефиниция: **книжная культура** – это *творческая и коммуникационная деятельность человеческого общества*, осуществляемая посредством символов в книжной форме. Практикуемые людьми («символическими существами») религия, литература, искусство, наука представляют собой культурно-коммуникационную деятельность, цель которой – творчество и социальная коммуникация. В современности модерна и постмодерна эта деятельность осуществляется в колее книжной культуры, проложенной библиотеками. Однако нельзя забывать о цифровой культуре.

Колея цифровой культуры

Основная тенденция мирового экономического развития конца XX – начала XXI в. – переход от сырьевой и индустриальной экономики к цифровой, базирующейся на информационно-коммуникационных технологиях (ИКТ) [14]. Хотя общепринятая дефиниция цифровой экономики пока не выработана, во всех определениях отмечается, что она основана на интеграции компьютерных и коммуникационных технологий в сети интернет и цифровом кодировании своих символов.

Проблемы цифровой экономики обстоятельно и доходчиво рассмотрены в докладе специалистов Высшей школы экономики [15] и в трудах академика С. Ю. Глазьева [16]. Становление цифровой экономики трактуется как «великая информационно-цифровая революция», началом которой считается появление электронных цифровых вычислительных машин в середине XX в. В XXI в. ожидаются кардинальные изменения в бизнесе, материальном производстве и социальной сфере благодаря внедрению таких технологий нового поколения, как робототехника, искусственный интеллект, «Интернет вещей», облачные вычисления, цифровое моделирование и других новаций. В России ускоренное внедрение цифровых ИКТ – приоритетная государственная задача.

В день своей инаугурации, 7 мая 2018 г., Президент Российской Федерации В. В. Путин подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Этот указ нацелен на «прорывное научно-технологическое и социально-экономическое развитие страны», для осуществления которого разработаны 12 приоритетных национальных проектов (программ) по направлениям: демография, здравоохранение, образование, жилье и городская среда, экология, автомобильные дороги, производительность труда, наука, цифровая экономика, культура, малое и среднее предпринимательство, международная кооперация и экспорт.

Для библиотечной отрасли особенно важны две стратегические задачи: переход к цифровым производственным технологиям (цифровой экономике), роботизированным системам, системам обработки больших объемов данных, внедрение машинного обучения и искусственного интеллекта; культурное и гуманитарное развитие населения в качестве основы экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны. Принципиально важно, что главным условием достижения национальных целей и стратегических задач названо формирование модели *нравственной, ответственной, самостоятельно мыслящей, творческой личности*.

Разработан Национальный проект «Культура», реализация которого началась 1 янв. 2019 г. Он включает три взаимосвязанных федеральных проекта: «Культурная среда», «Творческие люди» и «Цифровая культура». Первый проект – «Культурная среда» – направлен на модернизацию инфраструктуры, строительство новых и обновление существующих объектов культуры. До 2024 г. планируется создать 660 модельных библиотек – образцов библиотечного обслуживания, представляющих собой интеллектуальные центры, оснащенные скоростным интернетом, доступом к Национальной электронной библиотеке, электронной библиотеке диссертаций, оцифрованным ресурсам периодической печати. Ожидается, что обновление муниципальных библиотек увеличит их посещаемость не менее чем в два раза.

Федеральный проект «Творческие люди» призван продвигать талантливых детей и молодежь в сфере музыкального и театрального искусства, поддерживать самодетельное народное творчество

и волонтерское движение. На базе ведущих творческих вузов предусмотрено создание 15 центров непрерывного образования и повышения квалификации для 200 тыс. творческих и управленческих кадров (24% работников отрасли культуры). Однако подготовка специалистов библиотечно-информационного профиля и, в частности, кадров, обеспечивающих цифровизацию учреждений культуры, проектом не предусмотрена.

В рамках проекта «Цифровая культура» создаются доступные условия для участия граждан в культурной жизни посредством цифровизации услуг культуры и формирования информационного пространства знаний. К 2024 г. предусмотрено увеличение числа обращений к цифровым ресурсам культуры в 10 раз за счет создания новых 500 виртуальных концертных залов и 550 выставочных проектов, снабженных цифровыми гидами в формате дополненной реальности. Ежегодно будут производиться видеосъемка и онлайн-трансляция 100 мероприятий на портале «Культура РФ»; благодаря мультимедиагидам у музеев и выставочных пространств появится возможность рассказывать посетителям об объектах культурного наследия в формате дополненной реальности; фонд оцифрованных изданий Национальной электронной библиотеки будет пополнен 48 тыс. книжных памятников, на оцифровку которых решено выделить 480 млн рублей.

О российской книжной культуре в национальном проекте «Культура» не упоминается. Это тревожный факт. Он свидетельствует об идейных пробелах и стратегической дезориентации государственной библиотечной политики, которые способны усугубить дегуманизацию российской современности.

Передовые отечественные библиотеки, продолжая традиции книжной культуры, переходят от компьютеризации и информатизации к цифровизации технологических процессов.

Различные аспекты библиотечной цифровизации обстоятельно рассмотрены в докладе Я. Л. Шрайберга [17], который можно назвать экскурсом в постсовременную библиотеку. Опираясь на обширный массив отечественной и зарубежной литературы (более 100 названий),

Яков Леонидович формулирует главные отличия цифровизации от информатизации и характеризует развитие цифровой экономики в России и других странах.

Эрудированный автор анализирует основополагающие международные документы, способствовавшие глобальной цифровизации, и принятые в России базовые документы, благодаря которым происходят цифровые трансформации. В докладе выявлены главные тренды цифровизации, влияющие на библиотечно-информационную отрасль, а также задачи библиотек в цифровую эпоху. Рассмотрена проблема искусственного интеллекта как компонента цифровизации.

Рассуждая о ближайшем будущем библиотек, Я. Л. Шрайберг дает поучительные и конструктивные советы: «Квалифицированного пользователя должен встретить квалифицированный библиотекарь, поэтому сегодня, как никогда ранее, растут требования к качеству библиотечно-образовательного образования» [17. С. 22]; «примем как данность, что книга – основа нашего воспитания, образования, фундамент нашей культуры» [Там же. С. 24]. В заключение подчеркнуто, что библиотека будущего – неотъемлемая часть глобальной цифровой культуры и вместе с тем – оплот национальной книжной культуры.

Современная библиосфера находится на перекрестке культур. Дорога в постсовременность проходит через этот исторически образовавшийся перекресток. Присмотримся внимательно к противоречиям сложившейся ситуации.

На перекрестке культур

Первый осевой поворот, о котором писал Карл Ясперс, привел к распространению письменности; полиграфическая печать положила начало современности и классической книжной культуре. Наше время – *новое осевое время всемирной истории* – переходный период от отражающего кризис современности постмодернизма к неведомой постсовременности. Цифровая культура – символ фантастических перспектив, открывающихся перед человечеством. Каких именно?

В научном сообществе США сформировалось движение «позитивной сингулярности», лидером которого стал изобретатель и футуролог

Рэймонд Курцвейл (род. 1948). Р. Курцвейл – не мечтатель-фантаст, а активный исследователь искусственного интеллекта, пользующийся заслуженной репутацией авторитетного технологического футуролога. В 2009 г. он возглавил Университет сингулярности, а с декабря 2012 г. занимает должность технического директора в компании Google. Р. Курцвейл предсказал, что в 2020 г. персональные компьютеры достигнут вычислительной мощности человеческого мозга; в 2033 г. самоуправляемые автомобили заполнят дороги; в 2044 г. небробиологический интеллект станет в миллиарды раз умнее биологического; в 2045 г. Земля превратится в один гигантский компьютер.

Скептики утверждают: глупо и наивно считать, что машина, которая в сотню или тысячу раз умнее человека, будет нас любить или защищать; машины лишены морали, а думать иначе опасно. На основании многочисленных интервью с учеными-кибернетиками, футурологами, писателями-фантастами американский режиссер Джеймс Баррат пришел к заключению: «В погоне за искусственным сверхинтеллектом исследователи получают разум более мощный, нежели их собственный; они не смогут ни контролировать его, ни даже до конца понять. Приготовьтесь к столкновению цивилизаций – мы с вами против искусственного суперинтеллекта» [18]. Таким образом, стихийное саморазвитие цифровой культуры может привести человечество к абсурдной постсовременности, где не будет места для недоумков семейства гоминид.

Россия не должна отставать от американских коллег. Президент В. В. Путин 10 окт. 2019 г. утвердил «Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» и поручил Правительству РФ разработку федерального проекта «Искусственный интеллект». Искусственный интеллект понимается как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека».

В прогнозах Р. Курцвейла такой интеллект соответствует уровню персонального компьютера 2020 г., вычислительная мощность которого как у человеческого мозга. Авторы российского проекта искусственного интеллекта – Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций и Сбербанк России.

Отечественный искусственный интеллект будет обладать компьютерным зрением, обрабатывать и синтезировать сообщения на естественном языке, управлять беспилотным транспортом и различной робототехникой, проводить машинное обучение, т.е. владеть технологией самосовершенствования. Приоритетные направления развития и использования – это технологии искусственного интеллекта, повышение эффективности процессов планирования, прогнозирования и принятия управленческих решений; лояльности и удовлетворенности потребителей; качества услуг в сфере здравоохранения и образования; качества государственных и муниципальных услуг, а также снижение затрат на их предоставление. О библиосфере и книжной культуре в «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» не упоминается.

Вновь возникает нестыковка культурных стратегий. В президентском указе от 7 мая 2018 г. сказано, что «главным условием экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны» должны стать «нравственные творческие личности». А приоритет отдается не естественной человечности, а искусственному интеллекту, ибо национальной стратегии социально-культурного развития у нас нет, а на основе цифровой культуры нравственные символы не формируются.

Воспитание творцов и обитателей российской постсовременности – задача не биологическая, не технологическая, а педагогическая. Ее нельзя решить декретами власти. Ни Государственная Дума, ни Правительство, ни Президент Российской Федерации не могут своими директивами сотворить «нравственную творческую личность», хотя могут содействовать ее появлению. Для этого требуются *гуманитарно-педагогические* технологии, которые свойственны книжной культуре и чужды цифровой. Общеизвестно, что ключевая роль в формировании, сохранении и распространении книжной культуры принадлежит библиотечной отрасли, которая призвана активизировать и направлять

чение нации (вспомним рекомендательную библиографию и библиотечную работу с читателями). Какое будущее уготовано библиотечной отрасли в эпоху цифровой экономики?

Автоматизация, роботизация, цифровизация интеллектуальных процессов, как правило, сопровождаются сокращением рабочего персонала. Библиотечная цифровизация не исключение. В «Атласе новых профессий» [19] говорится, что в течение ближайших 20 лет архивариусы и библиотекари будут заменены «роботами, компьютерными программами и другими автоматическими решениями». Аргументация незамысловата. На взгляд типичного технократа библиотечная деятельность состоит из легко алгоритмизируемых технологических процессов получения, расстановки, хранения, поиска, выдачи книг или других произведений печати. Поэтому логично превратить библиотеку в гибкую автоматизированную линию. Заменяв библиотекаря библиотечными роботами, можно сократить производственные расходы, повысить скорость обслуживания и нарастить его объем, сэкономить площади и т.д.

Порочность технократической аргументации в том, что симуляция действий библиотечных работников при помощи роботов – это профанация сущности библиотеки как средства гуманизации (одухотворения) социума. Робот не может выражать сущность библиотеки, поскольку эта сущность *человечна*. Робот способен выдавать книги, но гуманистическую миссию библиотеки может реализовать только профессионал библиотечного дела. Поэтому проект «библиотека без библиотекаря» равноценен проекту «небиологического тела», свободное от угрызений совести.

Этот пример – одна из иллюстраций примитивного библиотечного нигилизма, встречающегося в коридорах власти. Библиотечной интеллигенции в эпоху нового осевого времени необходимо сохранять профессиональное достоинство. Библиотечная отрасль обладает значительным человеческим потенциалом, как в количественном, так и в интеллектуальном отношении. Каждый тип библиотек не в меньшей степени, чем искусственный интеллект, способен формировать нравственное, ответственное, самостоятельно мыслящее, творческое поколение российских граждан. Нынешняя библиотечная интеллигенция

ответственна перед современниками и потомками за сохранение книжной культуры. Это цель. А цифровая культура – средство проложить виртуальную дорогу в постсовременность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Степанов В. К.** Библиотека и библиотекари в ближайшие двадцать лет, или В ожидании сингулярности / В. К. Степанов // Науч. и техн. б-ки. – 2018. – № 1. – С. 19–31.
2. **Университетская** книга. – 2015. – Июль-август. – С. 11.
3. **Свасьян К. А.** Проблема символа в современной философии (Критика и анализ). – Москва: Академический проект; Альма Матер, 2010. – 224 с.; **Спирова Э. М.** Философско-антропологическое содержание символа. – Москва: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2012. – 336 с.
4. **Линдблад Я.** Человек – ты, я и первозданный. – Москва: Прогресс, 1991. – С. 112.
5. **Заболотных В. А.** Пути человечества. – Санкт-Петербург: Петрополис, 1998. – С. 78.
6. **Владимиров Л. И.** Всемирная история книги. – Москва: Книга, 1988. – 312 с.; **Истрин В. А.** Возникновение и развитие письма. – Москва: Наука, 1965. – 599 с.; **Кондратьев А. М.** Книга о букве. – Москва: Сов. Россия, 1975. – 224 с.; **Фридрих И.** История письма. – Москва: Наука, 1979. – 463 с.
7. **Ясперс К.** Смысл и назначение истории / пер. с нем. – Москва: Политиздат, 1991. – С. 51–52.
8. **История Востока.** Т. 1. Восток в древности. – Москва: Восточная литература, 1997. – С. 15.
9. **Маслянка Ю. В.** Смысловый кризис современности и философия постмодернизма // Известия высш. учеб. заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 1. – С. 51–59; **Смирнов И. П.** Кризис современности. – Москва: Новое литературное обозрение, 2010. – 296 с.
10. **Купряшкин И. В.** Конец современности: впереди средневековье? // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – 2016. – Вып. 6. – С. 81–89.
11. **Васильев В. И.** Книга и книжная культура на переломных этапах истории России. Теория. История. Современность: моногр. – Москва: Наука, 2005. – 270 с.; **Васильев В. И., Ермолаева М. А.** Книжная культура как составляющая системы социогуманитарного знания // Книга. Исследования и материалы. – Сб. 100. – Москва: Наука, 2014. – С. 11–12.

12. **Тимофеева Ю. В.** Книжная культура: дефиниции понятия // Философия образования. – 2011. – № 5. – С. 268–275.

13. **Соколов А. В.** Человечность и книжность в эпоху ноосферы // Библиогр. – 2018. – № 1. – С. 3–23.

14. **Головенчик Г.** Теоретические подходы к определению понятия «цифровая экономика» // Наука и инновации. – 2019. – № 1. – С. 54–59.

15. **Что такое** цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерения. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 82 с.

16. **Глазьев С. Ю.** Экономика будущего. Есть ли у России шанс? – Москва: Книжный мир, 2017. – 640 с.; **Он же.** Битва за лидерство в XXI веке. Россия – США – Китай. Семь вариантов обозримого будущего. – Москва: Книжный мир, 2017. – 352 с.

17. **Шрайберг Я. Л.** Информационно-документное пространство образования, науки и культуры в современных условиях цифровизации общества. Ежегод. докл. Пятого междунар. проф. форума «Крым–2019» / Я. Л. Шрайберг // Науч. и техн. б-ки. – 2019. – № 9. – С. 3–55.

18. **Баррат Дж.** Последнее изобретение человечества: Искусственный интеллект и конец эры Homo sapiens. – Москва: Альпина нон-фикшн, 2015. – С. 38–39.

19. **Атлас** новых профессий / Агентство стратегических инициатив; Московская школа управления «Сколково». – Москва, 2015. – 288 с.

REFERENCES

1. **Stepanov V. K.** Biblioteka I bibliotekari v blizhajshie dvadtsat' let, ili V ozhidanii singulyarnosti / V. K. Stepanov // Nauch. itekhn. b-ki. – 2018. – № 1. – S. 19–31.

2. **Universitetskaya kniga.** – 2015. – Iyul'-avgust. – S. 11.

3. **Svas'yan K. A.** Problema simvola v sovremennoj filosofii (Kritika i analiz). – Moskva : Akademicheskij proekt; Al'ma Mater, 2010.

4. **Lindblad YA.** Chelovek – ty, ya I pervozdannyy. – Moskva : Progress, 1991. – S. 112.

5. **Zabolotnykh V. A.** Puti chelovechestva. – Sankt-Peterburg : Petropolis, 1998. – S. 78.

6. **Vladimirov L. I.** Vsemirnaya istoriya knigi. – Moskva : Kniga, 1988. – 312 s.; Istrin V. A. Voznikovenie I razvitie pis'ma. – Moskva : Nauka, 1965. – 599 s.; **Kondrat'ev A. M.** Kniga o bukve. – Moskva : Sov. Rossiya, 1975. – 224 s.; **Fridrikh I.** Istoriya pis'ma. – Moskva : Nauka, 1979. – 463 s.

7. **Yaspers K.** Smysl I naznachenie istorii / per. s nem. – Moskva : Politizdat, 1991. – S. 51–52.
8. **Istoriya Vostoka.** T. 1. Vostok v drevnosti. – Moskva : Vostochnaya literatura, 1997. – S. 15.
9. **Maslyanka Yu. V.** Smyslovoj krizis sovremennosti I filosofiya postmodernizma // Izvestiyavyssh. ucheb. zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki. – 2010. – № 1. – S. 51–59; **Smirnov I. P.** Krizis sovremennosti. – Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. – 296 s.
10. **Kupryashkin I. V.** Konets sovremennosti: vpered i srednevekov'e? // Vestn. Buryat. gos. un-ta. – 2016. – Vyp. 6. – S. 81–89.
11. **Vasil'ev V. I.** Kniga I knizhnaya kul'tura na perelomnykh ehtapakh istorii Rossii. Teoriya. Istoriya. Sovremennost': monogr. – Moskva : Nauka, 2005. – 270 s.; **Vasil'ev V. I., Ermolaeva M. A.** Knizhnaya kul'tura kak sostavlyayushhaya sistema sotsiogumanitarnogo znaniya // Kniga. Issledovaniya i materialy. – Sb. 100. – Moskva : Nauka, 2014. – S. 11–12.
12. **Timofeeva Yu. V.** Knizhnaya kul'tura: definitsii ponyatiya // Filosofiya obrazovaniya. – 2011. – № 5. – S. 268–275.
13. **Sokolov A. V.** Chelovechnost' I knizhnost' v ehpokhu noosfery // Bibliogr. – 2018. – № 1. – S. 3–23.
14. **Golovenchik G.** Teoreticheskie podkhody k opredeleniyu ponyatiya tsifrovaya ehkonomika // Nauka I innovatsii. – 2019. – № 1. – S. 54–59.
15. **Chto takoe** tsifrovaya ehkonomika? Trendy, kompetentsii, izmereniya. – Moskva : Izd. Dom Vyshej shkoly ehkonomiki, 2019. – 82 s.
16. **Glaz'ev S. Yu.** Ehkonomika budushhego. Est' li u Rossii shans? – Moskva : Knizhnyj mir, 2017. – 640 s.; **On zhe.** Bitva za liderstvo v XXI veke. Rossiya – SSHA – Kitaj. Sem' variantov obozrimogo budushhego. – Moskva : Knizhnyj mir, 2017. – 352 s.
17. **Shrajberg Ya. L.** Informatsionno-dokumentnoe prostranstvo obrazovaniya, nauki I kul'tury v sovremennykh usloviyakht sifrovizatsii obshhestva. Ezhegod. dokl. Pyatogo mezhdunar. prof. foruma «Krym–2019» / YA. L. Shrajberg // Nauch. I tekhn. b-ki. – 2019. – № 9. – S. 3–55.
18. **Barrat Dzh.** Poslednee izobretenie chelovechestva: Iskusstvennyj intellekt I konets ehry Homo sapiens. – Moskva : Al'pina non-fikshn, 2015. – S. 38–39.
19. **Atlas** novykh professij / Agentstvo strategicheskikh initsiativ ; Moskovskaya shkola upravleniya «Skolkovo». – Moskva, 2015. – 288 s.

Информация об авторе / Information about the author

Соколов Аркадий Васильевич – доктор пед. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник культуры РФ, Санкт-Петербург, Россия
sokolov1.spb@gmail.com

Arkady V. Sokolov – Dr. Sc. (Pedagogy), Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Honored Cultural Worker of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
sokolov1.spb@gmail.com